

УДК 32 (030)

Европейский дискурс в политике идентичности Республики Карелия

ЦУМАРОВА
Елена
Юрьевна

*преподаватель кафедры политологии и
международных отношений,
Петрозаводский государственный университет,
факультет политических и социальных наук,
Петрозаводск, tsumarova@gmail.com*

Ключевые слова:

политика идентичности
Республика Карелия
Северная Европа
сотрудничество
идентичность

Аннотация:

Статья посвящена анализу места Европы в политике идентичности Республики Карелия. В качестве теоретической основы исследования выступает конструктивистский подход в исследованиях политических сообществ. Политика региональной идентичности понимается как деятельность политических элит по формированию образа «мы-сообщества» в административных границах региона. Европейский союз рассматривается в качестве «Значимого Другого», на основе сравнения и противопоставления с которым происходит формирование идентичности в Карелии. В статье подчеркивается, что на дискурсивном уровне Карелия воспринимается в качестве неотъемлемой части Европы, с которой ее связывают общие европейские ценности. При этом апелляция к Европе при проведении политики идентичности носит утилитарный характер и нацелена, во многом, на привлечение дополнительных ресурсов.

© 2013 Петрозаводский государственный университет

Опубликована: 20 декабря 2013 года

Введение

В период с 1995 по 2007 г. произошло значительное увеличение протяженности границы между Российской Федерацией и Европейским союзом. Качественно новое соседство принесло с собой как новые возможности, так и новые вопросы. Так, непосредственное соседство с Европой актуализировало вопрос не просто о взаимоотношениях России и Европейского союза, но и о месте России, ее «европейскости». «Официальный» дискурс транслируется на всей территории РФ. Однако его восприятие может быть различным в силу близости / отдаленности субъектов от границы с Европой. Накопившийся опыт взаимодействия Республики Карелия с европейскими странами позволяет говорить о том, что в этом регионе уже сложилась некая «своя» «европейскость», которая так или иначе будет оказывать влияние на восприятие «официального» дискурса общероссийской идентичности.

Таким образом, в фокусе данного исследования находится европейский дискурс в политике идентичности Республики Карелия, его место в структуре региональной идентичности. При этом региональная идентичность рассматривается не только как фундамент для формирования политического сообщества, но и как один из элементов общественной безопасности в рамках социологического подхода в международных отношениях. Концепция «мягкой безопасности» предполагает отказ от анализа исключительно военного аспекта безопасности, смещение фокуса исследований в сферу экономики, культуры, идентичности. Наличие национальной идентичности,

приверженность регионов общегосударственным ценностям в данном случае оказывается основой для поддержания единства страны, предотвращения сепаратистских тенденций.

Однако логика федеративного государства подразумевает наличие не только национальной, но и региональных идентичностей. Региональные органы власти заинтересованы в проведении собственной политики идентичности, которая направлена на формирование «желаемого представления о самом регионе, о самих себе в регионе и о месте региональных элит в прошлом, настоящем и будущем региона» [5; 192]. Как указывают В. Гельман и Е. Попова, «политика региональной идентичности является “игрой на двух уровнях”» [5; 192]. Это обусловлено тем, что она адресована не только «внутрь региона», но и вовне его. Поэтому политические акторы заинтересованы не только в электоральной поддержке, но и притоке «в регион извне доступных... ресурсов в тех или иных формах» [5; 192]. При этом транслируемый вовне образ региона в любом случае окажет существенное влияние на формирование регионального политического сообщества, так как успех регионального мифа на «внешнем рынке» напрямую зависит от того, разделяем ли он на «рынке внутреннем». В рамках данного исследования полезным представляется добавить в данную схему еще один уровень — международный. «Внешняя» политика идентичности Карелии направлена не только в адрес федерального центра, но и в адрес международного сообщества, прежде всего Финляндии и так называемой Новой Северной Европы (подробнее о понятии «Новая Северная Европа» см., напр.: [11]).

Процесс формирования политики идентичности при этом оказывается подверженным влиянию самых разных, в том числе международных, акторов, заинтересованных в продвижении собственных интересов на определенной территории, т. е. «выступать в роли оружия в политике безопасности других» [29; 88]. Для того чтобы государство могло в полной мере осуществлять меры по обеспечению комплексной, в том числе общественной безопасности, необходимо иметь четкое представление об основных каналах, механизмах и содержании региональной политики идентичности. Представленное исследование направлено на выявление содержания и места европейского дискурса в проводимой политике идентичности Республики Карелия.

Исследования политики региональной идентичности

Региональное измерение российской политики уже довольно долгое время является предметом изучения отечественных и зарубежных ученых (обзор основных исследовательских направлений см. в [4]). Исследователей интересуют как собственно региональные политические институты и практики (см., напр.: [2], [3]), так и региональные вариации общефедеральных норм и институтов (см., в частности: [9], [19]). Особое место в работах такого рода занимают исследования региональной идентичности, под которой понимается самоидентификация людей как жителей регионального политического сообщества Российской Федерации.

Следует подчеркнуть, что в исследовательской литературе доминирует представление об искусственной природе региональной идентичности. Последняя рассматривается как результат политической практики, целенаправленной деятельности региональных политических институтов и акторов, т. е. политики идентичности, которая может быть определена как деятельность политических элит по формированию представлений о «мы-сообществе» в рамках административно-территориальных границ региона. Другими словами, предполагается, что формирование региональной идентичности в первую очередь происходит «сверху» и является следствием «искусственного конструирования, целенаправленного изобретения и социальной инженерии» [24], [20].

Однако в литературе можно встретить и другую позицию, представители которой считают, что региональная идентичность является своеобразным ответом на «кризис системы политической идентификации на общенациональном уровне» [14; 131]. После распада СССР, приведшего, в том числе, и к эрозии национальной (государственной) идентичности, приверженность региональному сообществу позволила «индивиду локализовать себя в пространстве через призму близкой ему устойчивой коллективности» [19; 39]. В многонациональной России на смену «советскому народу» не могла прийти общность этнических русских, и региональная идентичность стала своего рода заменой идентичности этнической и гражданской [21; 136]. Перефразируя Э. Хобсбаума, можно говорить о том, что «для тех, кому уже не приходится рассчитывать на принадлежность к чему-либо, существует, по крайней мере, еще одно... сообщество, к которому может принадлежать человек» — региональное, и чтобы принадлежать к нему, индивиду «не надо ничего делать» — на этой территории просто надо жить [25; 345].

Особое внимание аналитики уделяли также основным компонентам региональной идентичности. Помимо важного компонента — «чувства общности территории» [19], свойственного именно для такого

рода идентичности, исследователи выделяли противопоставление «мы — они», подробно раскрытое в теории этнических границ Ф. Барта [14]. Они также подчеркивали и роль «региональных имен», растиражированных в названиях газет и фирменных поездов [21], а также институтов, предприятий и фирм [19].

В данной статье предпочтение отдается конструктивистскому направлению в исследованиях региональной идентичности. Региональная идентичность рассматривается как результат политики идентичности, продукт деятельности региональных политических акторов, «фактор политической легитимации региональных властных институтов вне и внутри региона» [14; 126].

Теоретические основы изучения идентичности

Исследования идентичности проводились, в первую очередь, в рамках психологии и социологии, где особое внимание уделялось формированию субъективных представлений индивидов о себе как личности или части социума. Историки, социологи и политологи обращались к понятию идентичности также в связи с изучением этничности, наций и национализма. Конструктивистский подход к исследованиям наций и национализма рассматривает нации как политические сообщества и, соответственно, национальную идентичность как связь индивидов именно сообществом такого типа. Согласно данной парадигме, под идентичностью понимается политико-социальный конструкт, продукт использования дискурсивных практик со стороны политических элит [15]. Поскольку целью данного исследования является изучение того, каким образом формируется политика идентичности в Карелии, обращение к данным теоретическим разработкам представляется релевантным.

Анализ исследовательской литературы позволил выявить, что любая политико-культурная идентичность формируется посредством (1) *установления границ «свой — чужой»*, (2) *унификации*, (3) *формирования общего жизненного контекста и доступа к общей информации*, (4) *культивирования чувства престижа* (более подробно см.: [16]).

(1) Установление границ является одной из основ самоидентификации человека как члена определенной общности. Механизм установления границ «свой — чужой» достаточно подробно изучен в социологии, антропологии и политической философии. В социологии этот механизм был разработан Г. Зиммелем и А. Шюцом в работах с идентичным названием «Чужак» («Der Fremde»). Так, для Г. Зиммеля чужак — это некий странник, который приходит в группу извне. Таким образом он пересекает пространственные границы группы (наиболее явные и защищаемые) и остается чужаком всегда, вне зависимости от продолжительности проживания внутри нее. Между ним и группой всегда существуют границы, которые могут становиться меньше, если чужак общается с большим числом членов группы, и больше — в случае несоответствия его поведения групповым ожиданиям. Но при этом, как отмечает Зиммель, полного стирания границ между ними, как правило, не происходит.

Во второй половине XX в. Ф. Барт создал концепцию этнических границ, которая имеет большое количество последователей (см.: [16], [27]). Согласно Ф. Барту, этнические группы существуют на основе культурного содержания в тех границах, которые группа сама себе очерчивает. Соответственно, этнические границы описывают этническую группу не как административно-территориальное образование, а, прежде всего, как культурную и социально-психологическую общность людей. При этом подчеркивается, что этнические границы не равнозначны обозначенным на картах границам административным. Последние лишь отражают расселение этнических групп в определенный исторический период [27; 15].

Как показывает Ф. Барт, этнические границы возникают в результате внутреннего социального конструирования культурных и психологических различий в условиях постоянного взаимодействия членов данной этнической группы с другими группами [27; 15]. Другими словами, этническая граница отражает внутренние представления группы о пределах своей культурной отличительности и свободы. Представления о границах, возникнув в сознании людей, отражают дистанцию как между этническими группами, так и внутри групп, и воплощаются в практике межэтнических отношений. В итоге этническая граница предстает в качестве реального воплощения принципа деления мира на «своих» и «чужих».

Позднее некоторые положения концепции Ф. Барта были развиты в работе Э. Хобсбаума. Анализируя процессы деколонизации, образования новых национальных государств в странах Восточной Европы, исследователь приходит к выводу об изменении контекста в изучении этнических границ. По мнению Э. Хобсбаума, основная проблема, с которой сталкиваются этнические группы во второй половине XX в., — адаптация к жизни в полиэтничном обществе: «это прежде всего означает умение “выторговывать” для данной группы (в конкуренции с другими группами) соответствующую

долю общественных благ, защищать ее от дискриминации... Национализм в смысле претензий на самостоятельное государство или хотя бы языковую автономию не имеет к этому никакого отношения» [24; 245]. Как пишет Хобсбаум, «урбанизация и индустриализация, предполагающие массовые миграции и многообразные перемещения людей, лишают смысла еще одну фундаментальную предпосылку национализма — тезис о существовании территорий с экономически, культурно и лингвистически гомогенным населением» [24; 247]. Другими словами, этнические группы и общины современных государств просто обречены на сосуществование, что приводит к появлению многоязычия и культурной дифференциации.

В целом основные моменты теории границ могут быть сведены к следующему: во-первых, установление дихотомии «свой — чужой» возможно лишь в том случае, если происходят постоянные контакты между представителями различных общностей. Действительно, в процессе формирования образа «чужого» важную роль играют как «реальные» контакты (т. е. путешествия членов различных сообществ), так и «виртуальные» — т. е. получение знаний о другом сообществе посредством СМИ или через выступления представителей политической элиты «своего» сообщества. Именно в этих текстах чаще всего можно встретить указание на то, что за пределами того или иного сообщества существуют другие сообщества, которые чем-то отличаются от него и которые преследуют собственные интересы, противоречащие «нашим». Таким образом, политические элиты артикулируют наличие некоего «чужого», который противопоставляется «своим».

Во-вторых, границы между «своими» и «чужими» устанавливаются не только изнутри, но и извне. Как показывают М. Ноженко и Н. Яргомская, основными способами конструирования границ извне являются «те политические решения, в результате которых возникают обозначенные на карте границы». Это, прежде всего, демаркация и титуализация («официальное закрепление названия того территориального пространства, которое находится в пределах демаркированных границ») [16; 130]. Формирование же границ изнутри происходит, по их мнению, путем реализации политики идентичности, которая направлена на «создание и закрепление образа сообщества». И здесь одним из главных механизмов является «карта-как-логотип», «символическое цветовое обозначение на карте того территориального пространства, которое в результате демаркации оказывается “закрепленным” за тем или иным сообществом» [16; 131].

(2) Говоря об унификации, речь, в первую очередь, ведут об унифицированном аппарате власти. Э. Гидденс отмечал чрезвычайную важность наличия единой администрации для формирования политических сообществ. По его мнению, нация существует только тогда, «когда государство имеет унифицированную администрацию, которая распространяется по всей территории, объявленной суверенной» [29; 34]. Другими словами, Гидденс считает, что нация появляется только при появлении государства особого типа — национального и, соответственно, что одно не может существовать без другого. Национальное государство при этом обладает монопольным правом установления правил поведения на своей территории [29; 35].

(3) Третья составляющая механизма формирования идентичности тесным образом связана с формированием границ «свой — чужой» и унификацией. Это — успешная коммуникация, которая, с точки зрения К. Дойча, зависит не столько от знания языка, сколько от общего жизненного контекста. К. Дойч впервые рассмотрел коммуникацию в качестве одного из свойств национальной идентичности [28; 27–29]. Под общим жизненным контекстом понимается наличие некоего «общего знания», которой распространяется по всей территории. Важную роль в процессе распространения «общей» информации играют СМИ. Если в случае установления границ «свой — чужой» происходит дифференциация индивидов на тех, кто принадлежит к «мы-сообществу», и тех, кто к нему не принадлежит, то общий жизненный контекст связывает воедино всех «своих». Другими словами, общий жизненный контекст — это вся совокупность представлений о «мы-сообществе». И несомненно, что в массиве такого рода восприятий должны преобладать положительные представления, которые являются основой для чувства престижа.

Впервые в социологии связь чувства престижа и идентификации с определенным сообществом была описана М. Вебером [32; 21–25]. Он отмечал поддержание значимости «сообщества» посредством культивирования его особенных черт [32; 25]. Люди чаще будут отождествлять себя с тем сообществом, принадлежность к которому считается престижной. И наоборот, когда соотнесение себя с тем или иным сообществом «невыгодно», на первый план выйдет любая другая идентичность.

В последующем многие авторы уделяли в своих работах внимание проблеме взаимосвязи чувства престижа и формирования политико-культурной идентичности. В качестве основного механизма поддержания чувства престижа рассматривался патриотизм. Патриотизм в данном случае может

пониматься как одно из необходимых условий для самой возможности стабильного существования политического сообщества. Этот патриотизм «внедряется» в массовое сознание посредством создания единых мифов, символов и т. д. (более подробно механизмы формирования патриотических чувств описаны в [24]).

В данной работе основное внимание уделяется формированию идентичности посредством противопоставления «своих» и «чужих». Европа в данном случае рассматривается как «Значимый Другой», на сравнении с которым конструируется идентичность в Республике Карелия. Основным методом исследования при этом выступает дискурсивный анализ политических текстов (выступлений представителей политической элиты республики).

Политика идентичности в Карелии

Окончание холодной войны поставило руководство России, а также приграничных субъектов федерации, в том числе Карелии, перед необходимостью переосмысления внешней политики в целом и определения своего места в международных отношениях в частности. На федеральном уровне отношения между Россией и Европейским Союзом оказывали влияние на проводимую политику идентичности. Так, на протяжении 1990-х гг., когда России необходимо было адаптироваться к новому статусу на международной арене и заручиться поддержкой влиятельных государств, дискурс партнерства позволял сгладить существующие проблемы и противоречия с помощью провозглашаемого равенства и единства. Однако уже в начале XXI в. с усилением государства началось изменение внешней политики по отношению к Европейскому союзу и, следовательно, дискурса идентичности. Дискурс прагматизма поставил во главу угла национальные интересы России, сделал акцент на существующих границах. С этого момента Европа перестала быть частью «мы-сообщества» и стала играть роль «Значимого Другого», на основе сравнения и противопоставления с которым и строится политика идентичности в современной России [31].

В Карелии также встал вопрос о самоидентификации, особенно в связи с географической и исторической близостью со странами Европы. Важную роль в формировании политики идентичности в республике играет ее географическое расположение, наличие протяженной границы с Европейским союзом и связанные с этим международные контакты. Как отмечают исследователи, внешнеполитическая деятельность Карелии «является инструментом и атрибутом [ее] новой самоидентификации», а развитие взаимоотношений с соседней Финляндией порождает «новую, альтернативную европейскую идентичность», которая находится «на периферии двух “миров” — североευропейской и славянской культур» [10].

Следует отметить при этом, что понятие Европы в политике идентичности Карелии сводится, в первую очередь, к странам Северной Европы — Финляндии, Швеции и Норвегии [17]. Географическая близость Карелии к этим государствам обуславливает и интенсивное взаимодействие в рамках реализации различного рода проектов, и апеллирование к ним при формировании образа «мы-сообщества».

В целом европейский дискурс в политике идентичности Карелии включает в себя две составляющие. Так, с одной стороны, политические акторы подчеркивают утилитарный характер взаимодействия со странами Северной Европы. Международное сотрудничество, прежде всего приграничное, рассматривается ими как один из путей решения социальных, экономических, экологических и других проблем республики. В частности, министр внешних связей Карелии Валерий Шлямин заявлял о том, что правительство стремится «извлечь максимум возможного от участия республики в международных региональных организациях» [1].

Международная деятельность Республики Карелия начала активно развиваться после падения железного занавеса. Основным партнером на международной арене стала соседняя Финляндия, которая также была заинтересована в установлении добрососедских отношений с новой Россией. Так, в 1992 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Финляндией, который определил основные правила взаимодействия двух стран, в том числе на уровне приграничного взаимодействия. Ключевым направлением сотрудничества Карелии и Финляндии в начале 1990-х гг. являлась гуманитарная помощь, направляемая западным соседом для повышения качества и уровня жизни жителей Карелии. Правительство Финляндии выделяло специальные средства для стимулирования экономического и социального развития соседней республики.

В это же время Карелия стала активно участвовать в деятельности международных организаций, таких как Региональный совет Баренцева Евро-Арктического региона (1993 г.), Совет министров Северных стран (1994 г.), Совет государств Балтийского моря (1995 г.). Вступление Финляндии в

Евросоюз в 1995 г. открыло дополнительные возможности для международной деятельности Карелии. Республика стала активно участвовать в реализации европейских программ, в частности TACIS, а затем и Интеррег. Как отмечается на официальном сайте органов государственной власти Карелии, в период 1994—1997 гг. на территории республики было реализовано 348 проектов с партнерами-регионами государств Европы и в рамках европейских программ на общую сумму в 38 млн долларов США [13].

В 2000 г. на территории Карелии и трех приграничных региональных союзов Финляндии был создан еврорегион «Карелия», который вывел двустороннее сотрудничество на принципиально новый уровень. Главными направлениями сотрудничества в рамках еврорегиона были названы экономические связи, охрана окружающей среды, туризм и культура. Как пишет В. Шлямин, «для нас еврорегион “Карелия” — это возможность энергично изучать европейский опыт регионального управления, местного самоуправления, построения гражданского общества с использованием элементов этого опыта в проведении реформ в нашей республике» [26].

Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 гг. также содержит в себе элементы утилитарного, прагматичного восприятия стран Европы. В частности, отмечается, что основной целью международных программ на территории Карелии является «повышение благосостояния жителей приграничных территорий посредством трансграничного сотрудничества и создание нового механизма взаимодействия на границах ЕС и России при помощи еврорегиона “Карелия”» [22]. Международное сотрудничество рассматривается как неотъемлемая часть «и жизни населения, и государственного управления», институт «обслуживания потребностей экономики и интересов граждан» [12].

Таким образом, участие Карелии в международных программах и проектах приграничного сотрудничества способствует распространению прагматичного восприятия европейских государств. Страны Европы, прежде всего Северной, рассматриваются как источники дополнительных ресурсов для экономического развития республики. При этом подчеркивается уникальный опыт Карелии в развитии международных связей, что становится важной частью проводимой политики идентичности: «Карелия — признанный форпост приграничного сотрудничества на Северо-Западе», где многие годы развивается «инновационная модель сотрудничества, основанная на проверенных европейской практикой нормах и правилах» [18].

Несмотря на то что юридически Карелия не обладает полномочиями для заключения международных договоров с другими государствами, органы государственной власти республики рассматривают ее в качестве равнозначного партнера в международной деятельности. Европа в целом, и Финляндия в частности описываются в качестве «своих», но не в качестве «старшего брата», который «учит» младшего соседа. Так, подводя итоги международной деятельности республики в 1994—1997 гг., авторы подчеркивали, что «Республика Карелия получила российское и международное признание в качестве полноправного региона Европы, активного участника и члена европейских межрегиональных организаций и программ» [12].

Такое восприятие Карелии стало возможным благодаря транслированию другой составляющей европейского дискурса — партнерской. В выступлениях высших должностных лиц республики довольно часто встречается упоминание стран Европы в качестве «своих», с которыми Карелию «объединяют общие европейские ценности» [23]. Политическая элита Карелии формирует представление о республике как об открытом регионе, который «вносит свой достойный вклад в укрепление России, в строительство общеевропейского дома» [7]. Другими словами, Карелия рассматривается в качестве неотъемлемой части более масштабного сообщества Северной Европы.

Включение Карелии в североевропейское сообщество обосновывается рядом факторов, главным среди которых является близость республики с Финляндией. Как отмечается в Программе приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 гг., «общность истории, близость языков финно-угорских народов, населяющих Север России и Финляндию, — являются естественными предпосылками для активизации сотрудничества между нашими странами» [22]. Так, важным фактором, объединяющим Карелию и Финляндию, называется карело-финский эпос «Калевала», который рассматривается как общее культурное достояние. Ежегодно 28 февраля и в Карелии, и в Финляндии отмечается День «Калевалы», к которому приурочено большое количество мероприятий, в том числе с участием приглашенных коллективов.

В целом принадлежность Карелии к финно-угорскому миру довольно часто актуализируется в выступлениях политической элиты республики. Этим обосновывается и национальная политика, направленная на сохранение карельского и вепсского языков, и культурные и образовательные инициативы, связанные с изучением и распространением финского языка в Карелии. Кроме этого,

апелляция к финно-угорскому миру позволяет республиканским органам власти формировать представление об особом месте Карелии в культурном ландшафте как России, так и Европы. В одном из интервью глава республики С. Катанандов отметил: «Наше бесценное достояние — само понятие “Карелия”, наличие уникальной северной финно-угорской культуры. Сохранить самобытность, развить многонациональную общность — это значит получить дополнительные возможности для успешного развития Карелии в XXI веке» [8].

Дополнительными факторами, способствующими поддержанию тесных связей Карелии и Финляндии, называются «традиции православия и карельской культуры» (особенно в северных территориях Финляндии), сходные климатические условия, природа и общая граница. Граница в данном случае выполняет контактные, а не разделительные функции, и призвана прежде всего обеспечить коммуникацию и взаимное доверие жителей территорий по обе ее стороны

Фактор границы получил особое значение после вступления Финляндии в Евросоюз. Карелия стала рассматриваться как ворота между Западом и Востоком, «мост» между Объединенной Европой и глубинными регионами России [22]. Карелия представляется в качестве региона, в котором соединяются традиции западной и восточной культур, и которая образует своего рода гибрид, сочетающий в себе лучшие черты обеих традиций. Сотрудничество на приграничных территориях в свою очередь приводит к сглаживанию отчужденности между жителями разных стран, а граница становится более «прозрачной» [22].

Проведенный анализ показал, что политика идентичности Республики Карелия включает в себя две составляющие «европейского» дискурса. Так, с одной стороны, страны Европы представляются в качестве экономических партнеров, за счет взаимодействия с которыми власти республики пытаются решать экономические, социальные и другие проблемы. Европа рассматривается в качестве важного ресурса для развития территории. С другой стороны, географическая, историческая и культурная близость Карелии со странами Северной Европы и прежде всего Финляндии позволяет политическим элитам формировать образ республики как европейского региона, части Северной Европы. В частности, подчеркивается общность культурного пространства, которая способствует формированию и поддержанию атмосферы доверия между жителями Карелии и Финляндии. Карелия также рассматривается как «мост», «ворота» между Западом и Востоком, который соединяет в себе лучшие черты обеих культур.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012—2016 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шлямин В. Республике необходима концепция международной деятельности // Карелия. 1996. 6 февр.
2. Галлямов Р. Р. Политические элиты российских республик : особенности трансформации в постсоветский период // ПОЛИС. 1998. № 2. С. 108—115.
3. Гельман В. Региональная власть в современной России : институты, режимы и практики // ПОЛИС. 1998. № 1. С. 87—105.
4. Гельман В. По ту сторону Садового кольца : опыт политической регионалистики России // Политика. 2001—2002. № 4. С. 65—94.
5. Гельман В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России / В. Гельман, Е. Попова // Гельман В., Хопф Т. (ред.) Центр и региональные идентичности в России. СПб. ; М., 2003. С. 187—254.
6. Голосов Г. Российская партийная система и региональная политика, 1993—2003. СПб., 2006.
7. Катанандов С. Надо смелее двигаться вперед // Карелия. 2003. 5 апр.
8. Край «Калевалы» — наш общий дом [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2001. URL: <http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Position/010110.html>, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).
9. Кынев А. В. Политические партии в российских регионах: взгляд через призму региональной избирательной реформы // ПОЛИС. 2006. № 6. С. 145—161.

10. Марен А. В поисках европейской идентичности : парадипломатическая деятельность Республики Карелия и ее последствия // *Политическая наука : современное состояние, тенденции и перспективы*. 2002. № 1. С. 79 (78—100).

11. Маркушина Н. Северная безопасность и концепция «Нового Севера» // *Обозреватель*. 2011. № 4. С. 92—100.

12. Международная деятельность Республики Карелия в 1994—1997 годах : краткие итоги [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2001. URL: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97.html>, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

13. Международные организации, проекты и программы : двустороннее сотрудничество РК с зарубежными партнерами [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 1998. URL: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97b.html>, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

14. Мелешкина Е. Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Ильин М. В., Бусыгина И. М. (ред.) *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России*. М., 1999. С. 126—137 (131).

15. Миллер Н. О дискурсивной природе национализмов [Электронный ресурс] // *Pro Et Contra*. 1997. Т. 2. № 4. URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

16. Ноженко М. В поисках нового регионального сообщества: возможная перспектива рассмотрения федеральных округов / М. Ноженко, Н. Яргомская // *Политическая наука*. 2005. № 3. С. 119—141

17. Окно России в Северную Европу // *Карелия*. 2003. 26 апр.

18. Опыт приграничной Карелии важен для России [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2011. URL: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2011/06/0603_20.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

19. Орачева О. И. Региональная идентичность : миф или реальность? // Ильин М. В., Бусыгина И. М. (ред.) *Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России*. М., 1999. С. 36—43 (39).

20. Панов П. Изменение электоральных институтов в России : кроссрегиональный сравнительный анализ // *Полис*. 2004. № 6. С. 16—29.

21. Петров Н. Формирование региональной идентичности в современной России // Гельман В., Хопф Т. (ред.) *Центр и региональные идентичности в России*. СПб. ; М., 2003. С. 125—186 (126).

22. Программа приграничного сотрудничества Республики Карелия на 2001—2006 годы [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2000. URL: <http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html>, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

23. Три месяца в числе лидеров // *Карелия*. 2003. 8 апр.

24. Хобсбаум Э. *Нации и национализм после 1780 года*. СПб., 1998. 306 с.

25. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // *Нации и национализм*. М., 2002. С. 332—346.

26. Шлямин В. Еврорегион «Карелия» — новые вызовы и новые возможности [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Карелия, 2001. URL: http://gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a.html, свободный. (Дата обращения: 09.10.2013).

27. Barth F. Introduction, in: F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Waveland Press, 1969. P. 9—16.

28. Deutsch K. Nationalism and Social Communication, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) *Nationalism*, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 27—29.

29. Giddens A. The Nation as Power-Container / A. Giddens // *Nationalism*. New York. P. 34—35.

30. McSweeney B. *Security, Identity and Interests. A Sociology of International Relations*. Cambridge University Press, 2004. P. 88.

31. Tsumarova E. Identity Politics in Russia: Europe in Russian Political Discourse // *European Politics and Society: Studies of Young Russian Scholars*. / E. Belokurova (ed.). St. Petersburg: Intersocis, 2009. P. 123—146.

32. Weber M. The Nation, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) *Nationalism*, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 21—25.

REFERENCES

1. Valeriy Shlyamin, minister of external affairs of Republic of Karelia: the Republic needs a strategy of international activity [Valerii Sklyamin, ministr vneshnih svyazei RK: Respublike neobhodima kontseptsia mezhdunarodnoy deyatelnosti] // *Karelia*, № 14, February 6, 1996.
2. Gallyamov R. R. Political elites of Russian republics: peculiarities of transformation in the post-soviet period [Politicheskie elity rossiyskikh respublik: osobennosti transformatsii v postsovietskiy period] / R. Gallyamov // *POLIS*. 1998. № 2. P. 108—115.
3. Gel'man V. Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices [Regionalnaya vlast' v sovremennoy Rossii: instituty, rezhimy i praktiki] / V. Gel'man // *POLIS*. 1998. № 1. С. 87—105.
4. Gel'man V. On the other side of the Garden Ring-Road: experience of poitican regionalization of Russia [Po tu storonu Sadovogo kol'tsa: opyt politicheskoy regionalistiki Rossii] / V. Gel'man // *POLIS*. 1998. № 1. С. 87—105.
5. Gel'man V., Popova E. Regional political elites and strategies of regional identity in modern Russia [Regional'nye politicheskoe elity i strategii regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii] / V. Gel'man , E. Popova // Gel'man V., Hopf T. (ed.) *Tsentr i regional'nye identichnosti v Rossii* [Center and regional identities in Russia]. SPb, M., 2003. P. 187—254 (192).
6. Golosov G. Russian party system and regional politics [Rossiyskaya partiynaya sistema i regional'naya politika], 1993—2003 / G. Golosov SPb: izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006.
7. Katanandov S. "One has to move forward more bravely" [Nado smelee dvigat'sya vpered] // *Karelia*, April 5, 2003.
8. Kray "Kalevaly" – nash obshchiy dom [Land of Kalevala is our collective home] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2001. (<http://gov.karelia.ru/gov/Leader/Position/010110.html>) Accessed 9.10.2013.
9. Kynev A. V. Political parties in Russian regions: a view through the lense of regional electoral reform [Politicheskiye partii v rossiyskikh regionakh: vzglyad cherez prizmu regional'noy izbiratel'noi reformy] / A. Kynev // *POLIS*. 2006. № 6. С. 145—161.
10. Maren A. In search of a European political identity: paradiplomatic activity of the Republic of Karelia and its consequences [V poiskakh evropeyskoy identichnosti: paradiplomatischeeskaya deyatelnost' Respubliki Karelija i ee posledstviya] // *Political Science. Contemporary state, tendencies and perspectives* [Politicheskaya nauka. Sovremennoe sostoyanie, tendentsii i perspektivy]. M: INION, 2002. № 1. С. 79 (78—100).
11. Markushina N. Northern Security and the Concept of the "New North" [Severnaya bezopasnost' i konceptsiya «Novogo Severa»] / N. Markushina // *Obozrevatel' [Observer]*. 2011. № 4. С. 92—100.
12. International activity of the Republic of Karelia in 1994—1997. Short-term Results [Mezhdunarodnaya deyatelnost' Respubliki Karelija v 1994—1997 godakh. Kratkie itogi] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2001. (<http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97.html>) Accessed 9.10.2013.
13. International organizations, projects and programs. Bilateral cooperation of the Republic of Karelia with foreign partners [Mezhdunarodnye organizatsii, proekty i programmy. Dvustoronnee sotrudnichestvo RK s zarubezhnymi partnerami] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 1998. (<http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/inter97b.html>) Accessed 9.10.2013.
14. Meleshkina E. Ju. Regional Identity as a constituent of the problematics of Russian political space [Regional'naya identichnost' kak sostavlyayushchaya problematiki rossiyskogo politicheskogo prostranstva] / E. Meleshkina // Il'in M. V., Busygina I. M. (ed.) *Regional self-consciousness as a factor of formation of political culture in Russia* [Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury v Rossii]. M., 1999. P. 126—137 (131).
15. Miller N. On the discursive nature of nationalisms [O diskursivnoy prirode natsionalizmov] [Electronic article] / N. Miller // *Pro Et Contra*. 1997. T. 2. № 4. (http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/1997/4/ProEtContra_1997_4_09.htm) Accessed 9.10.2013.
16. Nozhenko M. V., Yargomskaja N. In search of a new regional community: possible perspective for viewing federal districts [V poiskakh novogo regional'nogo soobshchestva: vozmozhnaya perspektiva rassmotreniya federal'nykh okrugov] // *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2005. № 3. P. 119—141.
17. Russian window into Northern Europe [Okno Rossii v Severnuyu Evropu] // *Karelia*, 26 April 2003.
18. Experience of near-border Karelia is important for Russia [Opyt prigranichnoy Karelii vazhen dlya Rossii] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2011. (http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2011/06/0603_20.html) Accessed 9.10.2013.
19. Oracheva O. I. Regional Identity: A myth or reality? [Regional'naya identichnost': mif ili real'nost'?] / O.

Oracheva // Il'in M. V., Busygina I. M. (ed.) *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury v Rossii* [Regional self-consciousness as a factor of formation of political culture in Russia]. M., 1999. P. 36—43 (39).

20. Panov P. Transformation of electoral institutions in Russia: cross-regional comparative analysis [Izmenenie elektoral'nykh institutov v Rossii: krossregional'nyi sravnitel'nyi analiz] / P. Panov // *Polis*. 2004. № 6. P. 16—29.

21. Petrov N. Formation of regional identity in modern Russia [Formirovanie regional'noy identichnosti v sovremennoy Rossii] / N. Petrov // Gel'man V., Hopf T. (red.) *Centr i regional'nye identichnosti v Rossii* [Center and regional identities in Russia]. SPb, M., 2003. P. 125—186 (126).

22. Program of cross-border cooperation of the Republic of Karelia for 2001—2006 [Programma prigranichnogo sotrudnichestva Respubliki Kareliya na 2001—2006 gody] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2000. (<http://gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Relations/Boundary/index.html>) Accessed 9.10.2013.

23. Three months among leaders [Tri mesyatsa v chisle liderov] // Karelia, 8 April 2003.

24. Hobsbawm E. *Nations and Nationalism after 1780* [Natsii i natsionalizm posle 1780 goda]. SPb., 1998. 306 p.

25. Hobsbawm E. Principle of ethnic affiliation and nationalism in contemporary Europe [Printsip etnicheskoy prinadlezhnosti i natsionalizm v sovremennoy Evrope] / E. Hobsbawm // *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. M., 2002. P. 332—346.

26. Shlyamin V. Euroregion “Karelia” — New challenges and opportunities [Evroregion «Kareliya» — novye vyzovy i novye vozmozhnosti] [Electronic resource] // Official website of state government bodies of the Republic of Karelia, 2001. (http://gov.karelia.ru/gov/News/2001/0518_01a.html) Accessed 9.10.2013.

27. Barth F. Introduction, in: F. Barth (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*, Waveland Press, 1969. P. 9—16.

28. Deutsch K. Nationalism and Social Communication, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) *Nationalism*, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 27—29.

29. Giddens A. The Nation as Power-Container / A. Giddens // *Nationalism*. New York. P. 34—35.

30. McSweeney B. *Security, Identity and Interests. A Sociology of International Relations*. Cambridge University Press, 2004. P. 88

31. Tsumarova E. Identity Politics in Russia: Europe in Russian Political Discourse // *European Politics and Society: Studies of Young Russian Scholars*. / E. Belokurova (ed.). St. Petersburg: Intersocis, 2009. P. 123 – 146.

32. Weber M. The Nation, in: Hunchinson J., Smith A. (eds.) *Nationalism*, Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 21—25.

European discourse in the identity politics of the Republic of Karelia

TSUMAROVA
Elena

*Lecturer,
Petrozavodsk State University
Faculty of Political and Social Sciences
Chair of Political Science
and International Relations,
Petrozavodsk, tsumarova@gmail.com*

Keywords:

Identity politics
Republic of Karelia
Northern Europe
cooperation
identity

Summary:

This article aims to analyze the place of Europe in the identity politics of the Republic of Karelia. The theoretical base for this research is constructivist approach to investigating political communities. Politics of regional identity is understood as activities of political elites, aimed at constructing the image of a “we-community” within the administrative borders of the region. The European Union is examined as a “Significant Other” based on comparison with which, the formation of Karelian identity takes place. The article emphasizes that on the level of discourse Karelia is perceived as an intangible part of Europe, because it shares the same common European values. At the same time the appeal to Europe while carrying out identity politics has a utilitarian character and is largely aimed at attracting additional resources.